

**Т. Р. Рыжикова, А. А. Добринина, И. М. Плотников
Е. А. Шестера, А. С. Шамрин**

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Интонация модальных вопросительных высказываний
в алтайском языке (на материале фольклора алтай-кижи) ***

Впервые при помощи объективных методов экспериментальной фонетики описывается интонационная структура модальных вопросительных высказываний алтайского языка на основе выборки из устной речи и фольклорных произведений. Коммуникативная значимость модальных вопросов определялась контекстом и ситуацией. Универсальным средством выражения модальных вопросов является интонация: любое повествовательное предложение в алтайском языке может стать вопросительным при использовании восходящей интонации на терминальном предикате. Грамматически интеррогативность выражается при помощи вопросительной частицы *ба* и интонационно оформляется инклинацией на ней. Интонационные паттерны, полученные на материале разговорной и фольклорной речи алтайцев, совпадают. Выявленные ритмомелодические особенности вопросительно-

---

* Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884).

Рыжикова Татьяна Раисовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории вербальных культур Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; tanyu12@mail.ru)

Добринина Альбина Альбертовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Лаборатории вербальных культур Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; ekinur@mail.ru)

Плотников Илья Михайлович – младший научный сотрудник Лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; iliaplotnikov@gmail.com)

Шестера Елена Александровна – младший научный сотрудник Лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; elena-schestera@mail.ru)

Шамрин Антон Сергеевич – аспирант, младший научный сотрудник Лаборатории вербальных культур Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; anton_shamrin@mail.ru)

сти в алтайском языке положительно коррелируют с данными по другим тюркским языкам Южной Сибири.

Ключевые слова: интонация, движение тона, алтайский язык, фольклор, актуальное членение, коммуникативный синтаксис, вопросительное предложение, PRAAT.

Изучая интонационные особенности того или иного языкового образования, исследователи сталкиваются с рядом разноплановых проблем: как собственно фонетических, так и общелингвистических, начиная с вопросов терминологии и заканчивая психолингвистическими особенностями восприятия речи. Часто задача усложняется неизученностью и неразработанностью не только супraseгментного, но даже и сегментных уровней (фонетического, грамматического, лексического) языка.

Целью данной статьи является исследование экспериментально-фонетическими методами и описание интонационных паттернов модальных вопросительных высказываний базового диалекта алтайского литературного языка – алтай-кижи. Материалом исследования служат озвученные алтайские фольклорные тексты из академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (т. 21 и 30) в исполнении сказителей – носителей диалекта алтай-кижи, а также примеры живого разговорного языка.

Прежде всего целесообразно рассмотреть несколько теоретических вопросов.

В словаре О. С. Ахмановой *интонация* – это сложный комплекс просодических элементов, включающих мелодику, ритм, интенсивность, темп, тембр и логическое ударение, служащий на уровне предложения для выражения как различных синтаксических значений и категорий, так и экспрессивных и эмоциональных коннотаций [Ахманова, 1966, с. 180–182]. Автор выделяет несколько типов интонации.

Просодию О. С. Ахманова описывает следующим образом: 1) общее название для сверхсегментных свойств речи, а именно высоты тона, длительности (количества) и громкости (силы, амплитуды); 2) учение о принципах и средствах членения речи и соединения расчлененных частей, таких как повышение и понижение основного тона (мелодия), расстановка более или менее сильных ударений (динамика), относительное ускорение и замедление речи (паузы) [Там же, с. 367].

Таким образом, просодия – это более общее название для всех супraseгментных явлений, в то время как интонация затрагивает только высказывание. В нашей работе под интонацией мы будем понимать единство взаимосвязанных компонентов: мелодики, интенсивности, длительности, темпа речи и тембра произнесения как части просодической системы, входящей в состав фонетических универсалий.

При построении высказывания диктор использует минимальные интонационные единицы – интоны, которые характерны для данного языка, фиксируются в памяти носителей и передаются из поколения в поколение (см. об этом: [Кодзасов, 1988; 1989; 1999]). Кроме минимальных интонационных единиц существуют и их устойчивые сочетания, характерные для данного языка. Такие клишированные сочетания называются *интонационными конструкциями* (ИК) – тип соотношения тона, тембра, интенсивности и длительности, способный противопоставить несовместимые в одном контексте смысловые различия высказываний [Князев, Пожарицкая, 2011, с. 172]. В 1960-х гг. Е. А. Брызгунова предложила систему ИК для русского языка [1977; 1980], которая в течение многих лет использовалась не только русистами, но и фонетистами, изучающими интонацию языков других семей. Целью классификации ИК Е. А. Брызгуновой было правильное воспроизведение русской интонации в соответствии с коммуникативной задачей говорящего. Эта задача тесно связана с проблемой актуального членения предложения.

Актуальное членение (АЧ) является одним из центральных понятий коммуникативного синтаксиса и определяется как возможное расчленение высказывания на две части – тему и рему [Матезиус, 1967]. *Тема* высказывания является исходным пунктом сообщения и служит для связи высказываний между собой и с экстралингвистической реальностью, а *рема* – это элемент, конституирующий речевой акт сообщения [Янко, 1999, с. 30]. Рема и тема в определенных ситуациях могут отождествляться с новым и данным.

Вопросительные высказывания характеризуются особой тема-рематиической структурой, поскольку в них данное и новое принимают определенную форму, выполняя особую роль: в качестве нового в них выступает элемент, к которому относится вопрос, а в качестве данного – всё остальное [Мустайоки, 2006, с. 257].

Отнесение высказывания к вопросам может происходить по двум критериям – функциональному и формальному, т. е. по наличию в нем совокупности используемых в данном языке показателей вопросительности (которые могут включать интонацию, порядок слов и лексические средства).

В соответствии с классификацией Ш. Балли все вопросы относятся либо к *диктуму* (объективному содержанию предложения), либо к *модусу* (его субъективному содержанию). *Диктумные* вопросы связаны с неизвестными говорящему фактами о конкретной ситуации, *модальные* – с ее реальностью, требующей подтверждения [Балли, 1955, с. 47–48].

Если рассматривать модальные вопросительные предложения с точки зрения АЧ, то новым в них выступает сомнение в реальности всей ситуации или ее элемента, поэтому ремой становится конструктивный элемент, являющийся носителем этого сомнения [Крылова, 1992, с. 49]. В общих модальных вопросах это место занимает предикат как основной выразитель отнесенности высказывания к реальности. В частичных модальных вопросах в этой роли может выступать любой член предложения в зависимости от структурного типа высказывания [РГ, 1979, с. 669].

Наравне с терминами *модальный* и *диктальный* часто используются взаимозаменяемые с ними во многих контекстах термины *общий* (general, yes / no question) и *специальный* (special, Wh-question) вопрос. В данной терминологии основным критерием является формальный: для специальных вопросов характерно использование особых интеррогативных слов.

В алтайском языке вопросы образуются либо при помощи вопросительного слова (диктальные), либо при помощи вопросительной частицы *ба* с соответствующими сингармоническими вариантами (модальные), либо без формального выражения – только специфической интонацией. В «Грамматике алтайского языка» находим следующую информацию: вопрос, по-русски выражаемый только голосом, без особого вопросительного слова, по-алтайски принимает частицу *ба*: Он пришел? – *Ол келди бе?* Он не пришел? – *Ол келбеди бе?* [ГАЯ, 2005, с. 478–479].

Частица *ба* обычно заканчивает предложение, так что вопрос может относиться не только к непосредственно стоящему перед ней слову – непременно сказуемому, но и ко всякому другому слову в предложении. Последнее бывает, когда сказуемое – глагол. *Ол анда жүрген бе?* будет значить: был ли он там, там ли он был, он ли там был? [Там же, с. 274]. Если нужно выделить какое-то другое слово в предложении, то вся его структура трансформируется. В «Грамматике современного алтайского языка» [2017, с. 520–521] также приводятся краткие сведения об алтайских вопросительных частицах, которые отражают современную ситуацию в алтайском литературном языке.

В ходе данного экспериментального исследования было выявлено, что алтайские модальные вопросительные предложения имеют структуру трех типов: 1) без вопросительного слова с предикатом в финале высказывания; 2) с вопросительной частицей *ба* в терминальной позиции в высказывании; 3) оканчивающиеся на

уточняющее слово. Их АЧ соответствует описанному выше, при этом основным различием между ними является положение в синтагме рематического центра, который падает на вопросительную частицу или на предикат, если она отсутствует.

Методика исследования

В связи с особой актуальностью и новизной исследования, экспериментальная работа по изучению вопросительных ИК алтайского языка состояла из двух этапов: анализа интонационных особенностей разговорной речи и верификации полученных результатов на материале алтайского фольклора.

На первом этапе носителями языка был составлен диалог на заданную тематику, включающий максимальное количество возможных типов предложений: как вопросительных, так и повествовательных. Диалог был записан от трех женщин – носителей диалекта алтай-кижи. Дикторы постарались воспроизвести максимально естественную интонацию общения. Хотя при изучении интонационных особенностей эвенкийского языка исследователи столкнулись с проблемой «искусственного» произношения заготовленного ранее диалога, и из 9 дикторов только трем удалось добиться более или менее правдоподобного звучания [Морозова, Андросова, 2019, с. 86], наши данные показывают, что все испытуемые справились с поставленной задачей хорошо. Таким образом, было получено 150 высказываний, из которых вопросы составили 37 % (модальные – 61 %, диктальные – 39 %). Все вопросительные предложения были размечены в программе для акустического анализа PRAAT, и выявлены их супrasegmentные характеристики. Модальные вопросительные высказывания проанализированы с точки зрения АЧ, и было установлено, что ремой является вопросительный элемент, в первую очередь предикат, а остальное составляет тему.

Второй этап экспериментально-фонетического исследования заключался в анализе озвученных фольклорных текстов.

Фольклор – творчество устное: оно живет только в памяти людей и передается в живом исполнении «из уст в уста». «Сохраняя ряд форм, несвойственных разговорной речи, язык фольклора довольно существенно отличается от разговорного. Дело здесь в большой устойчивости языковых норм, в известной архаичности по сравнению с языком повседневно-бытового общения. Эти застывшие словесные образы составляют одну из специфических черт языка фольклора и потому нуждаются в особом изучении» [Терещенко, 1980, с. 42].

Материалом данной части исследования послужили аудиозаписи фольклорных произведений алтайцев – алтай-кижи [ПФ, 2002; 2011]. Проанализированы тексты двух тематических направлений: сказки и несказочная проза (общий объем – 667 предложений, из которых 85,6 % имеют нарративную коммуникативную установку, а 14,4 % – интеррогативную). Сказочный текст характеризуется большим количеством вопросительных предложений – около 20 % от общего количества, в то время как в несказочной прозе их 10 %.

С помощью аудиокодекса все аудиофайлы с приложенных к текстам компакт-дисков были переведены из формата WMA в WAV. В программе Audacity была выполнена нарезка звуковых файлов на отдельные высказывания с декларативной и интеррогативной коммуникативными установками (всего – 200 единиц, из которых 100 – повествовательные предложения, 100 – вопросительные всех типов). Полученные рабочие файлы были размечены в программе для расшифровки и обработки звуковых данных PRAAT. Разметка состояла из нескольких уровней, но анализ материала проводился только на слоговом подуровне.

Выбор этого подуровня для анализа обусловлен положением о том, что именно слог является минимальной единицей суперсегментного уровня (фонетическое слово, синтагма, фраза – элементы более высокой иерархической структуры)

[Князев, Пожарицкая, 2011, с. 129–130]. В роли центра слога выступает слоговой элемент, центра фонетического слова – ударный слог, центра синтагмы – слог, на котором реализуется фразовый (синтагматический) акцент. Выделение ядра различных просодических единиц осуществляется разными физическими средствами: в слове ведущая роль принадлежит интенсивности (степени сонорности), в фонетическом слове в русском языке – длительности и спектральным свойствам гласного, в синтагме – частоте основного тона.

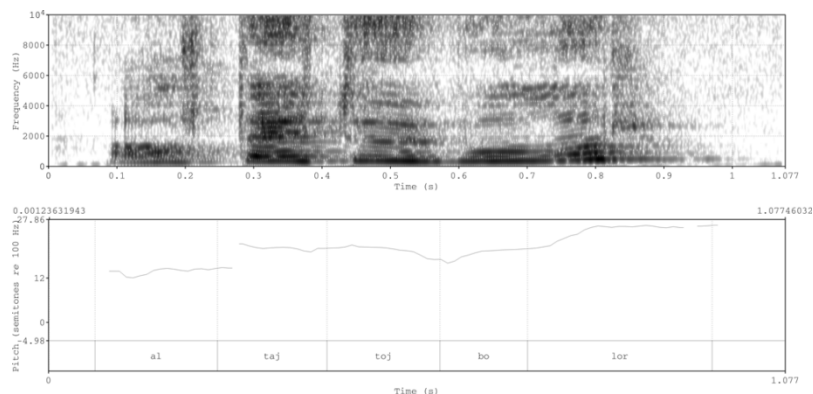
Полученные результаты

В ходе инструментального анализа удалось установить, что интонационный контур алтайского высказывания меняется в зависимости от структуры предложения. Выше уже указывалось, что все алтайские модальные вопросительные предложения реализуются в трех типах конструкций, каждая из которых интонационно выражается особым образом. Первая группа вопросов (с предикатом в конце высказывания) характеризуется *восходящим* движением тона, вторая (с конечной интеррогативной частицей *ба*) – также *инклинацией* тона, максимум которого фиксируется на вопросительной частице, третья (с финальным уточняющим словом) – *восходяще-нисходящим* мелодическим контуром с максимумом на вопросительной частице. Ниже приведен иллюстративный материал.

На рис. 1 представлены спектрограмма и интонограмма алтайского предложения (д. 2), в финали которого стоит предикат:

Алтай той болор?
 алтай   той=Ø   бол=ор
 алтайский   свадьба=NOM   быть=PrP
 ‘Будет алтайская свадьба?’

Максимальное значение частоты основного тона (ЧОТ) – 26 пт., перепад от минимума значения до максимума – 6 пт.

Рис. 1. Вопрос без вопросительной частицы:
Алтай той болор? ‘Будет алтайская свадьба?’ (д. 2)

Fig. 1. Question without an interrogative particle:
Altay toy bolor? ‘Will there be an Altai wedding?’ (sp. 2)

На рис. 2 показана реализация данного вопроса с терминальной вопросительной частицей *бо* (сингармонический вариант *ба* после огубленной словоформы) (д. 1):

Алтай той болор бо?

алтай   той=∅   бол=ор   бо
алтайский   свадьба=NOM   быть=PrP   PRTCL.Q
'Будет ли алтайская свадьба?'

Видно, что на протяжении всего высказывания тон можно охарактеризовать как ровный со значительным повышением на вопросительной частице до 20 пт. (перепад от минимального значения до максимального – 10 пт.).

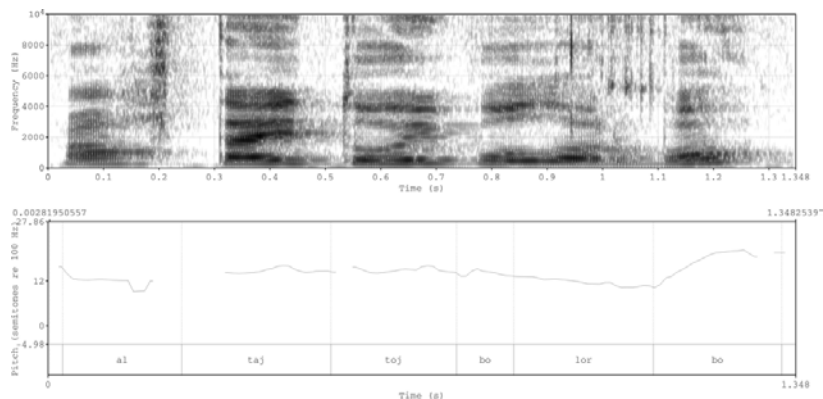

Рис. 2. Вопрос с вопросительной частицей *бо*:
Алтай той болор бо? 'Будет ли алтайская свадьба?' (д. 1)

Fig. 2. Question with the interrogative particle *bo*:
Altay toy bolor bo? 'Will there be an Altai wedding?' (sp. 1)

В алтайском интеррогативном предложении (д. 1, рис. 3) отмечается несколько участков с повышенной ЧОТ:

Кедери таайарга айтканар ба?

кедери   таай=ар=га
стоянка   дядя.со стороны матери=POSS.2PL=DAT
айт=кан=ар   ба
говорить=PP=2PL   PRTCL.Q
'[Вы] на стоянке дяде говорили?'

Тем не менее резкая инклинация по сравнению с препозицией фиксируется на вопросительной частице *ба* и составляет 18,5 пт. (минимум на предыдущем слоге – 10 пт.).

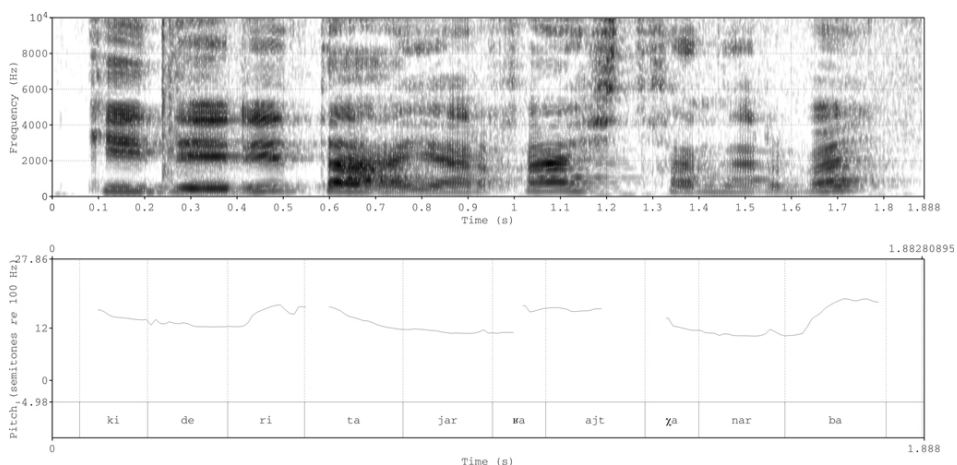
В примере, представленном на рис. 4, после усилительной частицы *ла* следует модальное слово *болбой* (д. 1):

Мишанын аказы тойлоп келер ле болбой?

Миша=нын   ака=зы=∅   тойло=п
Миша=GEN   дядя.со стороны отца=POSS.3SG=NOM   проводить свадьбу=CV
кел=ер=∅   ле   болбой
приходить=PrP=3SG   PRTCL   наверное
'Дядя Миши, наверное, приедет на свадьбу?'

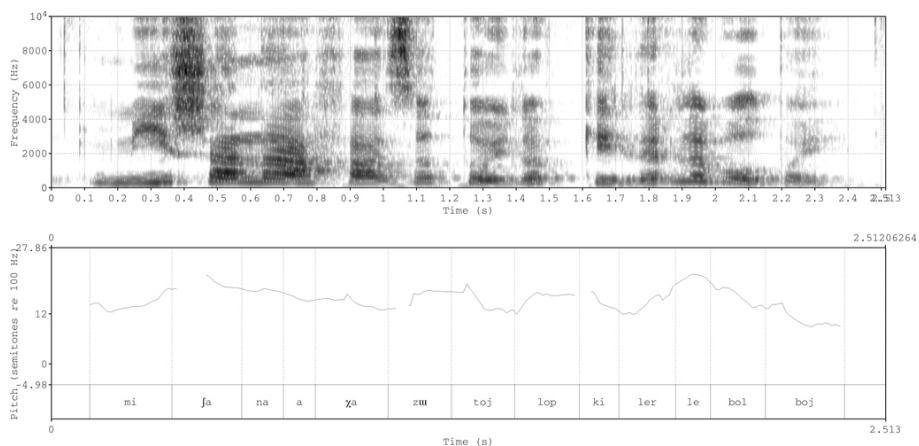
На интонограмме видно, что максимальный подъем тона отмечается именно на частице *ла* (21,5 пт., минимум на предфинальном слоге предиката составляет

12 пт.) с последующей деklinацией до 9 пт., что на 4 пт. ниже инициального тонового значения предложения в целом.

*Рис. 3. Вопрос с вопросительной частицей **ба**:
Kederi taayarga aytkanar ba? ‘На стоянке дяде говорили?’ (д. 1)*

*Fig. 3. Question with the interrogative particle **ba**:
Kederi taayarga aytkanar ba? ‘Have you told an uncle at the forest camp?’ (sp. 1)*

*Рис. 4. Вопрос с выделительной частицей **ле**: Mishanyň aqazy toylop keler le bolboy?
‘Дядя Миши, наверное, придет на свадьбу?’ (д. 1)*

*Fig. 4. Question with the particle **le**: Mishanyň aqazy toylop keler le bolboy?
‘Is Misha’s uncle coming to the wedding for sure?’ (sp. 1)*

Аналогичная ситуация наблюдается и в других рассмотренных примерах: на конечном слове предиката или на терминальной вопросительной частице **ба** наблюдается максимальное повышение тона в высказывании; если предложение оканчивается на другое слово, то на нем происходит деklinация до минимального значения.

В целом, у д. 1 изменения ЧОТ значительнее (в среднем 7,8 пт.), чем у д. 2 (в среднем 5,1 пт.). Перепад ЧОТ по всем проведенным измерениям по двум дикторам составляет 6,5 пт.

В ходе исследования было высказано предположение о том, что алтайская вопросительная частица *ба* подвергается удлинению за счет дополнительного акцентного ударения. Однако эта гипотеза не получила подтверждения: длина *ба* оказалась практически равна длине остальных слогов в предложении (относительная длительность 98 % средней длительности слога (СДС)). В то же время если модальный вопрос строится по типу без интеррогативной частицы, то финальный слог предиката, на котором происходит движение основного тона, действительно удлиняется, его длительность составляет в среднем 156 % СДС.

Кроме того, в ряде случаев было зафиксировано немотивированное (т. е. эмотивное или эмфатическое) повышение тона внутри предложения, которое служит для выражения АЧ в частичных вопросах:

Тойго ўзе улусты кычырдыг ба?

той=го   ўзе   улус=ты   кычыр=ды=н   ба
свадьба=DAT   весь   люди=ACC   звать=PAST=2SG PRТCL.Q
‘[Ты] на свадьбу всех пригласил?’

В данном случае на слове *ўзе* ‘весь’ произошло эмфатическое повышение тона с целью уточнения информации.

Полученные данные согласуются с материалами по другим тюркским языкам.

При изучении ритмомелодики интеррогативных высказываний в теленгитском языке О. Ф. Герцог разделила предложения на вопросы с вопросительным словом и вопросы с вопросительным аффиксом. Теленгитские аффиксы *ба / бе, на / не, по / нѳ* совпадают с алтайской вопросительной частицей *ба* и ее сингармоническими вариантами. В результате анализа изменений ЧОТ, интенсивности, скорости высказывания автор приходит к следующим выводам: движение тона в вопросительных предложениях с аффиксом вопросительности *нисходяще-восходящее*; пики интенсивности отмечаются на первом слоге и финальном интеррогативном аффиксе; к концу высказывания происходит увеличение длительности звуков [Герцог, 1985, с. 137; 1989, с. 107].

В телеутском языке в общих вопросах, оформленных вопросительной частицей *ба*, Е. А. Шестера выявила следующие закономерности: эти вопросы характеризуются в целом *восходяще-нисходяще-восходящим* движением тона; выделение вопросительных слов и частицы повышением ЧОТ свидетельствует об их тенденции к независимому положению в высказываниях (в специальных вопросах вопросительное слово расположено в начале, в общих – в конце) [2014, с. 71].

На основании проведенного анализа ритмомелодики вопросительных предложений хакасского языка К. Н. Бичелдей приходит к выводу, что: 1) для всех вопросительных предложений характерна *восходяще-нисходящая* ритмомелодика; 2) для вопросительных предложений в целом характерен высокий тон в начале предложения и низкий тон в конце предложения [2001, с. 195]. Кроме того, функционирование в хакасском языке *вопросительной ритмомелодики* (интонации) как самостоятельного средства организации и выражения вопросительности делает ее синтаксическую базу практически неограниченной – любое предложение по контексту может стать вопросительным при помощи вопросительной ритмомелодики [Там же, с. 208]. Это утверждение совпадает с данными, полученными нами: любое повествовательное предложение может в алтайском языке стать вопросительным при использовании восходящей интонации на терминальном предикате.

Экспериментальное изучение интонационных особенностей модальных вопросов в турецком языке, выполненное Юджи Кавагучи и коллегами, по методике проведения совпадает с нашим исследованием. Дикторы – носители турецкого языка в лабораторных условиях зачитывали типичные турецкие диалоги, которые впоследствии были проанализированы исследователями в программе PRAAT. Лингвисты пришли к выводу, что интонационный рисунок высказывания зависит от мелодического оформления его части перед вопросительной частицей -mİ: если ЧОТ перед ней высоко-ровная или восходящая, то терминальное движение тона низко-ровное или нисходящее без исключений; однако если тон перед частицей -mİ равно-низкий или нисходящий, то конец фразы маркируется высоким-ровным или восходящим тоном [Kawaguchi et al., 2006, p. 361]. Если в турецком предложении отсутствует показатель интеррогативности, то ИК облигаторно восходящий [Ibid., p. 364]. К сожалению, авторы не разводят модальные вопросительные высказывания по параметрам их коммуникативной установки: собственно вопрос, переспрос, уточнение и т. д.

Джэйн Кюн в диссертационной работе по особенностям интонации общих вопросов (yes / no questions – вопросы, требующие ответа да или нет; в нашей терминологии – модальные вопросительные высказывания) у турецко-немецких билингвов рассматривает случаи присоединения турецкой вопросительной частицы -mİ к разным членам предложения, в результате чего меняется смысловая направленность высказывания [Kühn, 2016, p. 64, 69].

Автор утверждает, что просодический сигнал для указания типа предложения реализуется не прямо в начале общих вопросов и, более того, даже не на последнем слоге предикативной конструкции, как это наблюдается кросс-лингвистически для языков, которые оформляют и определяют тип предложения просодически.

Дж. Кюн отмечает, что структурно немаркированные общие вопросы в турецком заканчиваются низким граничным тоном (L%) и предфокусное сжатие не используется в качестве систематического просодического маркера типа предложения или интонационной структуры, т. е. турецкие общие вопросы не имеют просодического коррелята с помощью ЧОТ для обозначения типа предложения в отличие от специальных вопросов, которые заканчиваются высоким конечным тоном. Поскольку турецкий общий вопрос обязательно оформляется интеррогативной частицей, то дополнительная интонационная маркировка является избыточной для контекстуализации прагматического значения [Ibid., p. 157].

Таким образом, данные по интонации модальных вопросов турецкого языка не совпадают с данными по сибирским тюркским языкам, в которых вопросительная частица является интонационным маркером интеррогативности, и именно на ней происходит изменение тона (инклинация в алтайском, нисходяще-восходящая в теленгитском и телеутском языках, восходяще-нисходящая в хакасском). Данный вывод согласуется с утверждениями лингвистов о том, что для языков является универсалией возникновение отличительных интонационных паттернов между вопросительными и декларативными предложениями – когда они присутствуют в определенном языке – скорее в конце высказывания, чем в его начале (см., например, [Greenberg, 2019; Kornfilt, 1997]).

На втором этапе исследования из общего объема высказываний в изучаемом фольклорном материале были отобраны 18 предложений с модальной интеррогативной коммуникативной установкой. Такая незначительная на первый взгляд выборка тем не менее оказалась достаточно репрезентативной. Все тенденции, установленные для разговорного языка (см. выше), были реализованы в высказываниях из фольклорных произведений. По всей видимости, использование вопросительной частицы *ba* для образования модальных вопросов является каноническим в алтайском языке, поскольку в фольклорных текстах других моделей

(без интеррогативной частицы) обнаружено не было. Кроме того, были зафиксированы примеры с частицей *не* ‘ли’: *Көртран көзи көрнө алыш туру не?* ‘Глаз, каким он смотрит, видит ли?’ *Тыныптран тыныжы сүри жайылып туру не?* ‘Дыхание, которым он дышит, рассеивается ли?’. А также альтернативные вопросительные предложения: *Таныр кижги бар ба, жок по?* ‘Есть кто узнает или нет?’; *Мыны таны, Калдан-Ойрот каанын албатызында мыны тааныр кижги бар ба, жок по?* ‘Это разузнай, есть среди народа Калдан-Ойрот хана человек, который узнал бы это, или нет?’.

Следует отметить, что особенностью фольклорных вопросительных предложений является то, что они практически всегда заканчиваются глаголом речи *де* в форме деепричастия на *-п*. Функцию введения прямой речи в алтайском языке выполняют разные формы глагола *де*-, которые интонационно оформляются деklinацией тона. Подтверждение находим в работе З. С. Казагачевой: «Слово *теп*, восходящее к деепричастию от глагола речи *де*, а в нашем случае *те*, у Ч. употребляется в типичной для устной речи позиции как формальное средство выделения прямой речи: фраза заканчивается словом *теп*. Заметим, такая конструкция все реже встречается в современной устной речи. У К. же *теп* выступает как завершающее слово в синтаксических инверсиях» [2002].

Если рассматривать длительность вопросительной частицы *ба*, то в фольклорной речи она оказалась практически равной ее длительности в разговорной речи: 96,5 % СДС. В случаях, когда *ба* стоит не в абсолютном конце высказывания, а за ней следует обращение или определительный оборот, ее длительность превышает СДС.

В среднем перепад ЧОТ на интеррогативной частице *ба* составил почти 6 пт., что также коррелирует с ситуацией в разговорной речи. Однако в фольклорных произведениях средний тон вопросительных предложений ниже, чем в разговорной речи. Скорее всего, это объясняется индивидуальными особенностями дикторов: все сказители – мужчины старшего возраста.

На рис. 5 и 6 представлены части предложения *Ары көр, ойтто бери көр, бу кара жааданы сугаларын ба деп, сугар јеринг бар ба?* – *деп*. ‘Туда смотри, обратно сюда смотри, сможешь ты этот черный лук спрятать, есть куда засунуть?’ – сказал. [ПФ, 2011, с. 566].

На рис. 5 изображена первая вопросительная часть:

Бу кара жааданы сугаларын ба? – *деп*.
бу кара жаада=ны суг=ал=ар=ын
этот чёрный лук=ACC прятать=AUX: брать=PrP=2SG
ба де=п
PRTCL.Q говорить=CV
‘Сможешь ты этот черный лук спрятать?’ – спросил.’

Максимум ЧОТ достигает 8 пт. на частице *ба*, реализующейся в речи в варианте *ма*, перепад составляет 3,8 пт. На финальном слове в синтагме (*деп* ‘сказав’) происходит понижение тона до его самого минимального в высказывании значения – 1 пт.

На рис. 6 приведена вторая – финальная вопросительная синтагма:

Сугар јеринг бар ба? – *деп*.
суг=ар јер=ин=Ø бар ба де=п
прятать=PrP место=POSS.2SG=NOM есть PRTCL.Q говорить=CV
‘Есть куда засунуть?’ – сказал.’

В целом вся синтагма произносится достаточно высоко, тем не менее максимум ЧОТ отмечается на *ба* и составляет 7,7 пт. с последующей деklinацией на *деп* до минимума – 1 пт., как и в предыдущем случае.

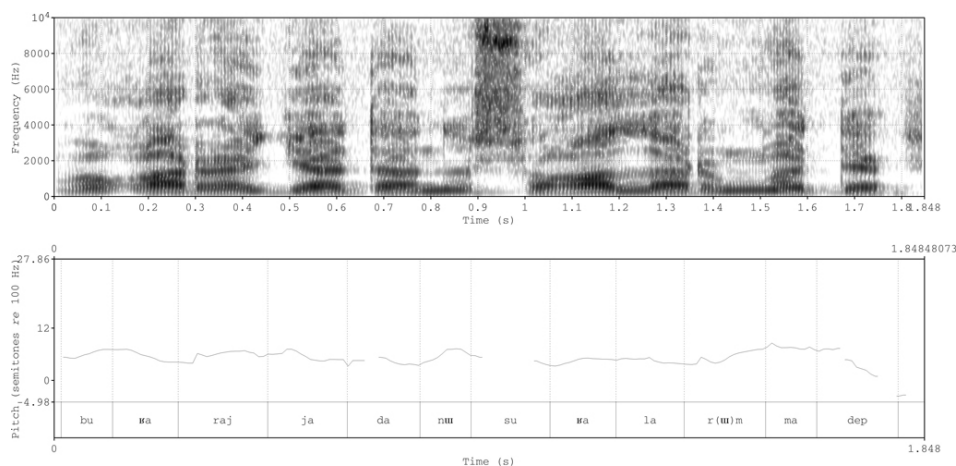

Рис. 5. Вопрос с вопросительной частицей *ба*:

...бу кара жааданы сугаларын ба деп, ...

‘... сможешь ты этот черный лук спрятать? – спросил ...’ (д. КСС)

Fig. 5. Question with the interrogative particle *ba*:

... bu kara t'aadany sugalaryn ba dep, ...

‘... will you be able to hide this black bow he said ...?’ (sp. KSS)

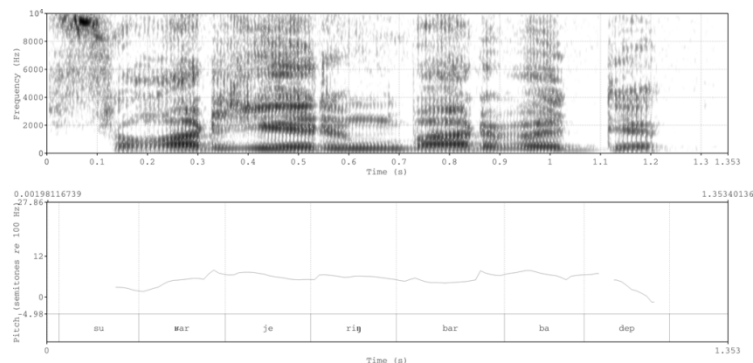

Рис. 6. Вопрос с вопросительной частицей *ба*:

...сугар јерин бар ба? – деп. ‘... есть куда засунуть? – сказал.’ (д. КСС)

Fig. 6. Question with the interrogative particle *ba*:

... sugar t'erij bar ba? –dep. ‘... is there a place to hide (it)? – he said.’ (sp. KSS)

На рис. 7 представлено высказывание [ПФ, 2011, с. 566]:

Мыны тартар арган бар ба? – деп.

мыны	тарт=ар	арга=н	бар
этот.АСС	тянуть=PrP	возможность=POSS.2SG	есть
ба	де=п		
PRTCL.Q	говорить=CV		

‘Есть ли силы это тянуть? – сказал.’

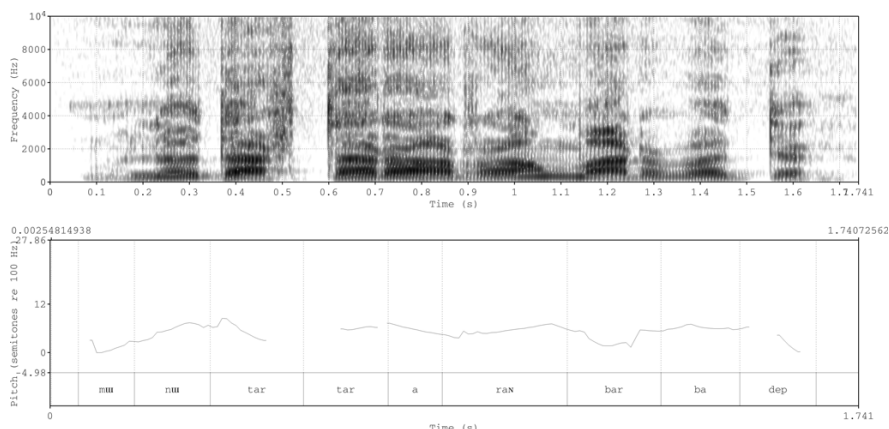

Рис. 7. Вопрос с вопросительной частицей *ба*:
Мыны тартар аргаŋ бар ба? – деп. ‘Есть ли силы это поднять? – сказал.’ (д. КСС)

Fig. 7. Question with the interrogative particle *ba*:
Myny tartar argaŋ bar ba? – dep. ‘Is there a strength to lift it? – he said.’ (sp. KSS)

На интонаграмме видно, что перед частицей *ба* констатируется существенное понижение тона, и хотя максимальное значение ЧОТ в данном случае отмечается на местоимении *мыны* ‘этого’ (7,3 пт., а на *ба* только 6,8 пт.), перепад значения между *бар* и *ба* составляет 5,3 пт., что является достаточным для оформления восходящего конца фразы. На деепричастии *деп* в данном случае тон нисходящий.

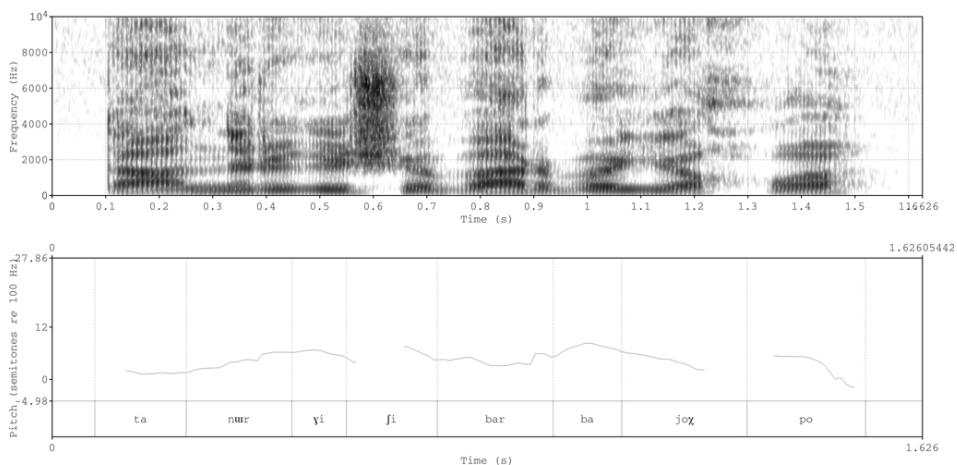

Рис. 8. Вопрос с вопросительной частицей *ба*:
Таныр кижй бар ба, жоҗ по? ‘Есть кто узнает или нет?’ (д. КСС)

Fig. 8. Question with the interrogative particle *ba*:
Tanyr kizhi bar ba, t'ok po? ‘Is there a person to recognize (him) or not?’ (sp. KSS)

Особый интерес с точки зрения интонационного оформления интеррогативно-сти представляет пример на рис. 8 [ПФ, 2011, с. 566]:

Таныр кижѣ бар ба, јок по?

таны=р	кижи	бар	ба	јок	по
узнавать=PrP	человек	есть	PRTCL.Q	нет	PRTCL.Q

‘Есть кто узнает или нет?’

Здесь запрос информации предполагает выбор ответа, поэтому он относится к альтернативным и состоит из двух частей: *бар ба* и *јок по*. В первой части мы видим максимум ЧОТ на частице *ба* – 8,2 пт., затем понижение до 2,2 пт., во второй части отмечается инклинация на *по* до 5,2 пт. с последующей деклинацией практически до 0. Таким образом, в предложениях со структурой *јок по* констатируется восходяще-нисходящий-восходяще-нисходящий интонационный рисунок.

Выводы

По результатам экспериментально-фонетического исследования можно сделать следующие выводы.

Алтайские фольклорные произведения имеют свои структурные лингвистические особенности (в частности, использование тавтологии), их интонационное оформление подчиняется правилам, характерным и для устной разговорной речи.

Если в разговорном языке любое предложение можно с помощью интонации превратить в вопрос, то в фольклоре для этих целей будет обязательно использоваться интеррогативная частица *ба*.

Предположение о том, что интонационно маркированная вопросительная частица будет иметь и особое темпоральное оформление, оказалось несостоятельным: длительность *ба* соответствует средней длительности слога в высказывании. Однако в предложениях без *ба* длина последнего слога предиката действительно подвергается пролонгации в среднем на 150 % от СДС.

Если частица *ба* или предикат не являются терминальными, то следующие за ними части речи обычно произносятся с нисходящей интонацией и могут иметь минимальное значение ЧОТ в высказывании.

Предложения с альтернативным выбором ответа (*ба ... ба*) имеют сложную интонационную окраску: тон восходяще-нисходяще-восходяще-нисходящий.

В целом вопросительные модальные высказывания характеризуются *восходящим* (или позиционно *восходяще-нисходящим*) мелодическим контуром. Данный факт хорошо согласуется с данными по сибирским тюркским языкам, но отличается от интонации турецких общих вопросов.

В дальнейшем планируется рассмотреть ИК высказываний с другими коммуникативными установками: нарративными, диктальными интеррогативными и др., что позволит описать интонацию алтайского литературного языка в целом.

Список литературы

- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 608 с.
- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Иностранная литература, 1955. 416 с.
- Бичелдей К. Н.* Лексико-грамматические и ритмомелодические средства выражения вопросительности в хакасском языке. М.: Изд-во РУДН, 2001. 281 с.
- Брызгунова Е. Л.* Звуки и интонация русской речи. М.: Русский язык, 1977. 194 с.
- Брызгунова Е. Л.* Интонация // Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
- Герцог О. Ф.* Ритмомелодика вопросительных предложений теленгитского диалекта алтайского языка // Фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1985. С. 131–142.

Герцог О. Ф. Ритмомелодика некоторых коммуникативных видов вопросов в теленгитском диалекте алтайского языка // Звуковые системы сибирских языков. Новосибирск, 1989. С. 98–108.

ГАЯ – Грамматика алтайского языка. 2-е изд., репринт. Горно-Алтайск: Акчөгөчөк, 2005. 640 с.

ГСАЯ – Грамматика современного алтайского языка. Морфология. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2017. 576 с.

Казагачева З. С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын». (Аспекты текстологии и перевода). Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2002. 352 с.

Князев С. В., Пожарицкая С. К. Современный русский литературный язык: Фонетика, орфоэпия, графика и орфография: Учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академ. Проект; Гаудеамус, 2011. 430 с.

Кодзасов С. В. Сфера действия тонального акцента и его размещение // Семиотические проблемы формализации интеллектуальной деятельности. М., 1988.

Кодзасов С. В. Об акцентной структуре составляющих // Экспериментально-фонетический анализ речи. Л., 1989. Вып. 2.

Кодзасов С. В. Уровни, единицы и процессы в интонации // Проблемы фонетики. М., 1999. Вып. 3. С. 197–215.

Крылова О. А. Коммуникативный синтаксис русского языка. М.: Изд-во РУДН, 1992. 171 с.

Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок: Сб. ст. М.: Прогресс, 1967. С. 239–245.

Морозова О. Н., Андросова С. В. Интонация вопросов в речи амурских эвенков: основной тон // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. № 5 (4). С. 84–96.

Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006. 512 с.

ПФ – Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 21: Алтайские народные сказки. 455 с.; 2011. Т. 30: Несказочная проза алтайцев. 576 с.

РГ – Русская грамматика. Прага: Academia, 1979. Т. 2. 1093 с.

Терещенко Н. М. О некоторых особенностях языка фольклора ненцев // Советское финно-угроведение. 1980. № 1. С. 41–46.

Шестера Е. А. Телеутский язык: мелодика высказываний // Вопросы языкознания. 2014. № 2. С. 61–75.

Янко Т. Е. О понятиях коммуникативной структуры и коммуникативной стратегии // Вопросы языкознания. 1999. № 4. С. 28–55.

Greenberg J. Language Universals. The Hague: Mouton, 2019. 90 p.

Kawaguchi Yuji, Fonagy Ivan, Tsunekazu Moriguchi. Prosody and Syntax: Cross-linguistic Perspectives. John Benjamins Publishing, 2006. 381 p.

Kornflit J. Turkish. New York: Routledge, 1997. 575 p.

Kühn J. Functionally-driven language change: Prosodic focus and sentence type marking in German-Turkish bilingual yes/no questions. PhD Thesis. Universität Potsdam, 2016. 369 p.

Список сокращений

АЧ – актуальное членение; д. – диктор; д. КСС – диктор Казагачев Сергей Семёнович из рода комдош, 1904 г. р., родился в с. Мьюта Шебалинского р-на Республики Алтай; материал из [ПФ, 2011, т. 30, текст 144]; ИК – интонационная конструкция; пт. – полутон; СДС – средняя длительность слога; ЧОТ – частота основного тона.

Грамматические значения в глоссах: 1PI, 2PI, 3PI – личные аффиксы 1-го, 2-го и 3-го лица множественного числа; 1SG, 2SG, 3SG – личные аффиксы 1-го, 2-го

и 3-го лица единственного числа; ACC – винительный падеж; AUX – вспомогательный глагол; CV – форма соединительного деепричастия на =*n*; DAT – дательный падеж; GEN – притяжательный (родительный) падеж; NEG.CV – отрицательное деепричастие на =*бай*; NOM – неопределенный падеж; PAST – форма прошедшего времени на =*ды*; PL – множественное число; POSS – аффикс принадлежности; PP – аффикс причастия прошедшего времени на =*ган*; PrP – форма причастия настоящего-будущего времени на =*ар*; PRTCL – частица; Q – вопросительная частица; SG – единственное число; Ø – нулевой аффикс.

T. R. Ryzhikova¹, **A. A. Dobrinina**², **I. M. Plotnikov**³
E. A. Shestera⁴, **A. S. Shamrin**⁵

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

¹*tanya12@mail.ru*, ²*ekinur@mail.ru*, ³*iliaplotnikov@gmail.com*
⁴*elena-schestera@mail.ru*, ⁵*anton_shamrin@mail.ru*

Intonation of modal interrogative sentences in the Altai language (on the Altai-Kizhi folklore material)*

The paper describes the intonation structure of modal interrogative sentences of the Altai language by the objective experimental-phonetic methods. Folklore texts and oral speech were the research object. The rhythm-melodic study of the Altai interrogative sentences is acutely topical for both Altaic linguistics and Turkology in general. The communicative significance of modal questions was determined in terms of context and situation. Intonation is the universal means of expressing modal questions: any narrative sentence in Altai can become interrogative when using the ascending intonation on the terminal predicate. Grammatically, interrogativity is expressed by using special question particles, Q-particle *ba* being the most commonly used in the folklore interrogative utterances.

Although intonation is a complex phenomenon, its main constituent part is often considered to be the fundamental tone (f0). Experimental study of the Altai modal interrogative sentence prosody showed that the intonation of modal questions is formed by inclination, with a maximum on the formal indicator of interrogativity – the Q-particle *ba*. Quantitative parameters turned out to play an important role in the sentences without *ba* with a finite predicate – the duration of the terminal stressed verb syllable with the maximum value of f0 appeared to be 1.5 times longer than the average syllable length in the utterance. Intonational patterns obtained on the material of colloquial and folk speech of the Altai people generally coincide. The revealed rhythm-melodic features of interrogativity in the Altai literary language are in a good agreement with the suprasegmental data on other Turkic languages of Southern Siberia.

Keywords: suprasegmental phonetics, acoustic phonetics, Altai language, intonation, folklore, modal questions, PRAAT.

DOI 10.17223/18137083/71/13

References

Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [The dictionary of the linguistic terms]. Moscow, Sov. entsikl., 1966, 608 p.

---

* This work is financially supported by the RF Government grant for the promotion of research conducted under the leading scientist's guidance, agreement № 075-15-2019-1884 "Cultural universals of verbal traditions of the peoples of Siberia and the Far East: folklore, literature, language".

- Balli Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and the problems of the French language]. Moscow, Foreign Languages Publishing House, 1955, 416 p.
- Bicheldey K. N. *Leksiko-grammaticheskie i ritmomelodicheskie sredstva vyrazheniya voprositel'nosti v khakasskom yazyke* [Lexical-grammatical and rythmo-melodical means of expressing interrogativity in the Khakas language]. Moscow, RUDN Publ., 2001, 281 p.
- Bryzgunova E. L. *Zvuki i intonatsiya russkoy rechi* [Sounds and intonation of the Russian speech]. Moscow, Russkiy yazyk, 1977, 194 p.
- Bryzgunova E. L. Intonatsiya [Intonation]. In: *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow, Nauka, 1980, vol. 17, 83 p.
- Gertsog O. F. Ritmomelodika voprositel'nykh predlozheniy telengitskogo dialekta altayskogo yazyka [Rythmomelodics of the interrogative sentences of the Telengit dialect of Altai]. In: *Fonetika sibirskikh yazykov* [Phonetic of Siberian languages]. Novosibirsk, 1985, pp. 131–142.
- Gertsog O. F. Ritmomelodika nekotorykh kommunikativnykh vidov voprosov v telengitskom dialekte altayskogo yazyka [Rythmomelodics of some communicative types of questions in the Telengit dialect of Altai]. In: *Zvukovye sistemy sibirskikh yazykov* [Sound systems of Siberian languages]. Novosibirsk, 1989, pp. 98–108.
- Grammatika altayskogo yazyka. 2-e izd., reprint.* [Grammar of Altai. 2nd ed. reprint.]. Gorno-Altaysk, Ak-chegochek, 2005, 640 p.
- Grammatika sovremennogo altayskogo yazyka. Morfologiya* [Grammar of modern Altai. Morphology]. Gorno-Altaysk, S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaic Studies, 2017, 576 p.
- Greenberg J. *Language Universals*. The Hague, Mouton, 1976.
- Kawaguchi Y., Fonagy I., Tsunekazu M. *Prosody and Syntax: Cross-linguistic Perspectives*. John Benjamins Publishing, 2006, 381 p.
- Kazagacheva Z. S. *Altayskiye geroicheskiye skazaniya "Ochi-Bala", "Kan-Altyn" (Aspekty tekstologii i perevoda)* [Altai heroic stories "Ochi-Bala", "Kan-Altyn" (Aspects of textology and translation)]. Gorno-Altaysk, Gorno-Alt. tip., 2002, 352 p.
- Knyazev S. V., Pozharitskaya S. K. *Sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk: Fonetika, orfopiya, grafika i orfografiya: Uchebnoe posobie dlya vuzov* [Modern Russian literary language: Phonetics, orthoepy, graphics and orthography: A textbook higher educational institutions]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow, Akadem. Proekt; Gaudeamus, 2011, 430 p.
- Kodzason S. V. Sfera deystviya tonal'nogo aktsenta i ego razmeshchenie [The role of the tonal accent and its placement]. In: *Semioticheskie problemy formalizatsii intellektual'noy deyatel'nosti* [Semiotic problems of intellectual activity formalization]. Moscow, 1988.
- Kodzason S. V. Ob aktsentnoy strukture sostavlyayushchikh [On the accent structure of constituents]. In: *Ekspperimental'no-foneticheskiy analiz rechi* [Experimental phonetic analysis of speech]. Leningrad, 1989, iss. 2.
- Kodzason S. V. Urovni, edinitsy i protsessy v intonatsii [Levels, units and processes in intonation]. In: *Problemy fonetiki* [Problems of phonetics]. Moscow, 1999, iss. 3, pp. 197–215.
- Kornflit J. *Turkish*. New York, Routledge, 1979.
- Krylova O. A. *Kommunikativnyy sintaksis russkogo yazyka* (Communicative syntax of the Russian language). Moscow, RUDN Publ., 1992, 172 p.
- Kühn J. *Functionally-driven language change: Prosodic focus and sentence type marking in German-Turkish bilingual yes/no questions*. PhD Thesis. Universität Potsdam, 2016, 369 p.
- Matezius V. O tak nazyvaemom aktual'nom chlenenii predlozheniya [On the so-called information structure of a sentence]. In: *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok: Cb. st.* [Prague Linguistic Circle: Coll. of art.]. Moscow, Progress, 1967, pp. 239–245.
- Morozova O. N., Androsova S. V. Intonatsiya voprosov v rechi amurskikh evenkov: osnovnoy ton [The prosody of questions in the Amur evenks' speech: pitch]. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2019, no. 5 (4), pp. 84–96.
- Mustayoki A. *Teoriya funktsional'nogo sintaksisa: ot semanticheskikh struktur k yazykovym sredstvam* [The theory of functional syntax: from the semantic structure to the linguistic means]. Moscow, LRC Publishing House, 2006, 512 p.
- Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]. Novosibirsk, Nauka, 2002, vol. 21: Altayskie narodnye skazki [The Altai folktales], 455 p.; 2011, vol. 30: Neskazochnaya proza altaytsev [The Altai non-folktales], 576 p.

Russkaya grammatika [Russian grammar]. Praga, Academia, 1979, vol. 2, 1093 p.

Shestera E. A. Teleutskiy yazyk: melodika vyskazyvaniy [Teleut language: melody of utterances]. *Voprosy Jazykoznanija* (*Topics in the study of language*). 2014, no. 2, pp. 61–75.

Tereshchenko N. M. O nekotorykh osobennostyakh yazyka fol'klora nentsev [On some linguistic peculiarities of Nenets folklore]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie*. 1980, no. 1, pp. 41–46.

Yanko T. E. O ponyatiyakh kommunikativnoy struktury i kommunikativnoy strategii [On the notions of the communicative structure and communicative strategy]. *Voprosy Jazykoznanija* (*Topics in the study of language*). 1999, no. 4, pp. 28–55.